

18. Meyer P. Die Libelli aus der decianischen Christenverfolgung. Berlin : Verlag der König. Akademie des Wissenschaften.

19. Giordano O. I cristiani nel III secolo. L'editto di Decio. Messina : Università degli studi, 1966.

AGENTES IN REBUS В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ

С. А. Сахаров

Смоленск, Смоленский государственный университет, sacharov.stanislav@yandex.ru

Автор доказывает, что система государственной безопасности поздней Римской Империи не обеспечивала стабильности, законности и подлинного контроля центральной администрации над ситуацией в стране. Со временем неуправляемость общественно-политической системы только возрастала. В сочетании с ростом произвола и коррупции это привело к общей деградации системы власти и управления позднеримского государства.

Ключевые слова: Римская империя; позднеримское государство; agentes in rebus.

The author proves that the system of state security of the Late Roman Empire did not provide stability, legality, and true control of the central administration over the situation in the country. Over time, the uncontrollability of the socio-political system only increased. In combination with the growth of arbitrariness and corruption, this led to a general degradation of the system of power and governance of the Late Roman state.

Keywords: Roman Empire; Late Roman state; agentes in rebus.

Как известно, обеспечение государственной безопасности традиционно относится к числу наиболее значимых направлений деятельности политически организованных систем вне зависимости от времени и пространства, в рамках которых происходит их развитие. Не являлась исключением и Римская империя периода домината, где также был сформирован особый механизм защиты государства, важнейшим звеном которого являлся штат секретных государственных агентов – agentes in rebus.

В историографии существует мнение, согласно которому ко времени домината в Римской империи сформировалась политическая модель, при которой подданные находились под всесторонним контролем государства. Эта модель формировалась постепенно на протяжении многовековой римской истории [7, р. 39].

В период домината всесторонний политический контроль становился необходимым, ибо в условиях посткризисного времени римское государство было заинтересовано в обеспечении социально-политической стабильности. Необходимым же ее условием было наличие достоверной информации о положении дел на местах. Сказанное обуславливало необходимость существования штата специальных агентов, которые могли бы собирать необходимую информацию и направлять ее в центр [1, с.12].

Общее назначение агентов прекрасно характеризует выдающийся ритор, философ, государственный деятель IV века Фемистий. Выступая в марте 347 года перед императором Констанцием II, он говорил о том, что великому императору одного тела, двух глаз и двух ушей слишком мало для того, чтобы все слышать, все видеть, на все обращать внимание. В связи с этим Фемистий рекомендует правителю иметь «друзей», посредством которых он сможет одновременно «присутствовать повсюду» [15; 16, р.71–74]. «Друзьями», о которых ведет речь Фемистий, были те самые государственные агенты, которые, будучи разбросаны по провинциям, и выступали важнейшим инструментом политического контроля.

Как известно, изначально назначение agentes in rebus, корпус которых был создан в период тетрархии [2, с.27] и пришел на смену фрументариям, состояло в доставке правительственной документации в качестве имперских курьеров [13, р.36]. Однако в силу того, что агенты постоянно перемещались по территории Римского государства и, как следствие, в их руках накапливалась разнообразная информация, их назначение со временем начинает меняться. Из курьеров, ответственных за быструю и надежную доставку документации, они начинают превращаться в тайных государственных агентов. Сам же корпус agentes in rebus превращается в прообраз государственной тайной полиции [1, с.12].

Задачи этой своеобразной имперской службы безопасности иллюстрирует случай, описанный Аммианом Марцеллином в его «Римской истории». Историк пишет о том, что «на пирушке у Африкана, правителя Второй Паннии и Сирии, некоторые гости ... не стеснялись поносить правительство за большие притеснения, ... другие утверждали ... близость государственного переворота. Присутствовавший там императорский агент Гауденций ... донес обо всем этом Руфину, начальнику канцелярии префекта претория. (Тот) немедленно поспешил ... в резиденцию императора и ... так его распалил, что ... было решено привлечь к суду Африкана и всех участников той роковой пирушки (Amm. Marc. XV. 3. 7–9) [6].

В контексте сказанного объяснимо, что позднеримское государство должно было уделять самое пристальное внимание вопросам формирования штата секретных агентов, за что непосредственно отвечал высший гражданский чиновник империи *magister officiorum* [12, p. 51; 3, с. 78; 4, с. 41; 5, с. 211].

Общий тон в вопросах назначения агентов задает распоряжение Констанция и Юлиана от 1 ноября 359 года, согласно которому лица, имеющие неблагородное происхождение или дурную репутацию, не должны были быть допущены в число *agentes in rebus* (CTh.1.9.1) [14]. Императоры обращают внимание на то, что единственным источником продвижения по карьерной лестнице в секретной службе могут быть трудолюбие и честность, засвидетельствованные многолетней работой (CTh.1.9.1).

Позднеримский законодатель устанавливает и особый порядок назначения агентов. Дело в том, что для поступления в число *agentes in rebus* требовалось согласие императора, что предусматривает упомянутое императорское распоряжение 359 года. В 405 году Аркадий, Гонорий и Феодосий своим новым распоряжением вменяют в обязанность магистру оффиций ведение специального реестра ведомства. При его формировании магистры особое внимание должны были уделять деловым качествам претендентов. Как гласит императорская конституция, они должны были обеспечить, чтобы «энергичный был предпочтен ленивому», «присутствующий – отсутствующему» (CTh.1.9.3).

Однако в контексте определения места и роли секретных агентов в политической системе позднеримского государства гораздо интереснее посмотреть не на формальные требования императорского законодательства, которые рисуют перед нами «желаемую» картину, а посмотреть на то, что представляло из себя секретное ведомство в действительности.

Если верить нашим источникам, сами по себе *agentes in rebus* были весьма немногочисленны. В распоряжении Феодосия II и Валентиниана III 430 года среди прочего упоминается общая численность агентов в 1174 человека (CTh.6.27.23). В 60-е годы V века в распоряжении Льва I общая численность агентов определяется уже в 1248 человек (CJ.12.20.3) [8].

Указанную выше численность агентов можно оценивать по-разному. С одной стороны, действительно можно говорить о том, что в Поздней Римской империи был создан и функционировал аппарат тайной полиции, который мог сыграть свою роль в вопросах обеспечения государственной безопасности и политической стабильности.

Однако при этом нужно понимать то, что деятельность агентов носила разъездной характер. Агенты перемещались из провинции в провинцию, осуществляя инспекционные поездки и пытаясь уловить не только общие политические настроения в том или ином регионе, но и выявить потенциально опасных лиц, как это имело место в случае, описанном Аммианом Марцеллином. И это неудивительно, потому что в Римской империи периода домината не существовало службы безопасности в том виде, как это есть в наши дни – с постоянно функционирующим штатом агентов. Для организации подобной системы упомянутой численности сотрудников было бы явно недостаточно.

В связи с этим, проверки, которые осуществляли агенты, носили фрагментарный и, скорее всего, поверхностный характер. Посетив «пирушку» у провинциального начальника, безусловно, агенты могли изобличить пару влиятельных лиц, которые, как пишет Аммиан, выпив лишнего, могли позволить себе неосторожные рассуждения в адрес правительства. Но этого было явно недостаточно. Изобличив одного-двух потенциальных «преступников», агенты были неспособны поставить под контроль политическую ситуацию в провинции в целом. И в этом была самая большая проблема. То есть эти инспекционные проверки, кары, которые обрушивались на отдельных «провинившихся», в действительности представляли собой не

более чем эпизодические показательные расправы, которые не приводили к улучшению общего политического климата в римском государстве.

Еще одним фактором, который оказывал непосредственное влияние на качество деятельности секретной службы, безусловно, были личные и деловые качества агентов. *Agentes in rebus*, как и огромная масса прочих должностных лиц позднеимперского государства, довольно быстро обнаружили склонность к злоупотреблениям. Хотя изначально корпус *agentes in rebus* создавался как альтернатива окончательно дискредитировавшим себя *фрументариям*, которые воспринимались как настоящая чума [10, p.278; 1, с.12]. Однако широкие полномочия новых агентов в сочетании с тем, что они не стеснялись брать и вымогать взятки, привело к тому, что замена корпуса *фрументариев* корпусом *agentes in rebus* стала весьма эфемерным способом повышения эффективности механизма обеспечения государственной безопасности [13, p.36].

Для того, чтобы ставить некоторые вопросы относительно эффективности секретной службы, можно попытаться взглянуть на ее сотрудников глазами одного из позднеантичных мыслителей Либания. С одной стороны, антиохийский ритор в своих «Речах» называет секретных агентов «вездесущими глазами императора» (*Lib.Or.18.140*) [11]. Вместе с тем, далее он пишет, что эти самые агенты были «ищейками», которые вместо того, чтобы разбираться в истинных причинах преступлений, буквально терроризировали провинциалов. Либаний именуется их «овчарками, присоединившимися к волчьей стае», которые заставляли людей более всего бояться их немилости, ибо невиновного они могли легко обвинить, например, в колдовстве. Либаний же называет агентов «церберами», «многоголовыми монстрами». Он пишет, что каждый, кто находился с ними рядом, встречаясь с ними неминуемо подвергался ограблению, ибо они видели врага в каждом, кто обладал чем-либо стоящим, будь то лошадь, рабыня, плодородное дерево, поле или же сад (*Lib.Or.18.134, 135, 136, 138, 140*) [9, p.203–205].

Подобного рода указания на злоупотребления должностных лиц, ответственных за обеспечение государственной безопасности, встречаются и у других авторов, например, у Аммиана Марцеллина, Зосима, церковных историков.

Не вдаваясь в подробности причин столь негативного отношения к агентам в среде позднеантичной интеллектуальной элиты, обратим внимание на самое главное. А самым главным в данном случае выступает проблема коррупции. Очевидно, что последняя делала неэффективной не только систему обеспечения государственной безопасности позднеимперского государства, но и, в конечном итоге, всю государственную систему империи, делала ее неспособной отвечать на вызовы времени.

Что же мы получаем в итоге?

Во-первых, с одной стороны, можно говорить о том, что в Поздней Римской империи сформировалась система, для которой характерно стремление к установлению всестороннего контроля над подданными. Существенным звеном в этой системе контроля становятся *agentes in rebus*, выполняющие функции «глаз и ушей» центрального правительства. Они собирали сведения о политической благонадежности провинциального населения, провинциальных элит, направляли эту информацию в центр.

Во-вторых, позднеимперский законодатель формально устанавливает весьма жесткие требования к лицам, стремящимся попасть в число государственных агентов. Важно то, что за соответствие этим требованиям принимаемых на службу лиц ответственность несет непосредственно высший гражданский чиновник империи – *magister officiorum*, что еще раз подчеркивает внимание, которое уделяли позднеимперские императоры секретной службе, вопросам ее комплектования. Это же, очевидно, указывает на роль и значение этой службы в политической системе империи, в вопросах обеспечения политической стабильности.

Однако, в-третьих, необходимо отметить то, что формальные требования императорского закона вступали в явное противоречие с действительностью. Проблема состоит в несовпадении ожиданий, которые, вероятно, связывали позднеимперские императоры с деятельностью штата секретной службы, и суровой реальностью, которую рисуют в своих сочинениях позднеантичные мыслители.

В конечном итоге все это говорит о том, что сложившаяся в Поздней Римской империи система обеспечения государственной безопасности вряд ли была способна обеспечить стабильность и законность, обеспечить подлинный контроль центральной администрации за политической ситуацией. Напротив, можно предположить, что с течением времени

неконтролируемость социально-политической системы только нарастала. В сочетании с ростом произвола и коррупции это приводило к общей деградации системы власти и управления позднеримского государства, всей государственной, политико-правовой системы домината.

Библиографические ссылки

1. Данилов Е. С. Контразведывательные функции *agentes in rebus* // Актуальные проблемы исторической науки: Международный сборник научных трудов молодых ученых. Вып. 6. Ярославль, 2009. С. 11–15.
2. Данилов Е. С. Римская военная контрразведка // Научные ведомости БелГУ. 2006. №2 (42). Вып. 6. С. 23–30.
3. Князький И. О. Император Диоклетиан и конец античного мира. М. : Московский общественный научный фонд, 1999. 206 с.
4. Кулаковский Ю. А. История Византии. В 3-х тт. Т.1. СПб. : Алетейя, 1996.
5. Покровский И. А. История римского права. СПб. : Летний сад, 1999.
6. Ammianus Marcellinus. *Römische Geschichte*. Bd. 1–4. Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1968–1971.
7. Cameron A. *The Later Roman Empire. AD 284–430*. Cambridge : Harvard UP, 1993.
8. *Corpus Iuris Civilis*. Lione : Hugues de la Porte, 1558–1560.
9. Kelly K. *Ruling the Later Roman Empire*. Cambridge, London : The Belknap Press of Harvard University Press, 2004.
10. *Late Antiquity: A Guide to the Postclassical World* / Eds. G. W. Bowersock, P. Brown, and O. Grabar. Cambridge : Belknap Press of Harvard University Press, 1999.
11. Libanius. *Selected Works: In 3 Vol.* Cambridge : Harvard University Press; London : Heinemann, 1969.
12. MacMullen R. *Soldier and civilian in the later Roman Empire*. Cambridge : Harvard University Press, 1963.
13. Silverstein A. J. *Postal Systems in the Pre-Modern Islamic World*. Cambridge : Cambridge University Press, 2007.
14. *The Theodosian Code and Novels and sirmondian constitutions / A translation with commentary, glossary, and bibliography by C. Pharr in collaboration with T.S. Davidson and M.B. Pharr*. New Jersey : The Lawbook Exchange, 2001.
15. *Themistii orationes quae supersunt*. Bd. I. Leipzig : Teubner, 1965.
16. Vanderspoel J. *Themistius and the Imperial Court: Oratory, Civic Duty, and Paideia from Constantius to Theodosius*. Ann Arbor : University of Michigan Press, 1995.

СТАТУС ЖЕНЩИНЫ В РИМСКОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

О. М. Ленцевич

Минск, Международный университет «МИТСО», liantsevich.volga@yandex.ru

На основании правовых источников рассматривается эволюция статуса римской женщины в частноправовой сфере; анализируется изменение ее роли в семье и в экономической жизни государства.

Ключевые слова: status familia; cum manu mariti; sine manu mariti; dos.

On the basis of legal sources, the evolution of the status of a Roman woman in private law is examined; analyzes the change in its role in the family and in the economic life of the state.

Keywords: status familia; cum manu mariti; sine manu mariti; dos.

В античном Риме сформировалась довольно стройная система юридических норм, регулирующих отношения между частными лицами, которая известна как римское частное право. Д.В. Дождев выделяет основные этапы в его развитии, определяющие особую последовательность складывания источников и основных институтов [3, с. 13]. Уже в эпоху Царского Рима (VIII в. – 509 г. до н.э.) наряду с обычным правом начинается процесс формирования т.наз. юридического права, состоящего из царских законов, утверждаемых народным собранием (*Lex publica*). В сер. V в. до н.э. коллегией децемвиров был составлен и утвержден в комициях сборник, известный как «Законы XII таблиц», который Тит Ливий назвал «Источником всего публичного и частного права» (Liv. 3.24.6). Документ представлял собой сочетание обычного и позитивного права, характерного для переходной эпохи. Республиканский период (509 – 27 гг. до н.э.) расширяет круг *Leges* – законов, обязательно утверждаемых народным собранием. С 367 г. до н.э. начинается процесс становления новой системы, преторского (судебного) права, которое наряду с гражданским регулировало отношения в среде римских граждан. Классическая эпоха в истории права (17 г. до н.э. – 235 г. н.э.)